

* * *

Вы забыли меня, облака,
уплывая в далёкие дали.
Не позвали и не обождали,
да и я не собрался пока.

Но во сне я летаю, бесплотен,
мне даны и поля, и холмы,
и дороги с любимых полотен,
и слепящая прелесть зимы.

Там оснеженная Галатея
поразвесила тонкую вязь,
что на солнце блестит, золотея,
осыпается, серебрясь.

ПАМЯТИ ВИКТОРА КОРОЛЁВА

Эта скрипочка знала дело,
Безупречно играла власть,
Уводила, куда хотела,
Взяв над сердцем полную власть.

Знаю: музыка та живая
Возвратит в родные края,
Даже если одолевает
Притяжение небытия.

Красоты не должно быть много
В недосказанности земной.
Но в незримом пути до Бога,
Скрипка, скрипочка, будь со мной.

* * *

Снег соскальзывал сверху
лёгкой лентою в руки.
Это память о снеге,
о серебряном звуке.

В наступившем предзимье
ты его и услышишь.
Он слетает не с неба —
с оцинкованной крыши.

Не напет и не сыгран,
а рождён тишиною...
Хорошо бы Тарковский*
постоял здесь со мною.

Он, мне кажется, точно
оценил бы такое
утешение духа,
исполненье покоя.

* * *

Мы тебе особый путь назначим.
Будешь ты велик и безымян,
различая зоркостью кошачьей
третий мир за зримыми двумя.

Будешь шагом лёгким и упругим
проходить другое бытие,
где уже не вспомнишь ни подруги,
ни слова, ни волосы её.

Неземного воздуха отведав,
что не сладок, но и не горчит,
ты и поражение от победы
там уже не сможешь отличить.

Чуть ли не застынешь истуканом
над пустым беспамятством воды,
понимая, что пришёл незваным
на пиры чужие и труды.

* Андрей Тарковский (1932 – 1986) – режиссёр,
в фильмах которого много странных, таинственных звуков.

Но стоишь и молча отрываешь
листья, как листки календаря,
будто по-иному открываешь,
чем горит вечерняя заря,

что украли или же убрали,
как из партитуры лишний звук...
По незримой, призрачной спирали,
как по воздуху, идёт паук.

* * *

Только то и осталось: пустые слова.
Понимаю: уже не вернётся
осознание с миром большого родства
и такого же точно сиротства.
Стал привычен я к вашим рекламным щитам,
необидным пустой разговор стал,
даже в храмы вхожу, если вижу, что там
многолюдия нет и притворства.

Я не стану уже человеком толпы.
Пусть припишут к моим незадачам,
что никак не могу притворяться слепым
или даже почти что незрячим.
И за тридевять самых далёких земель,
в эвенкийские мирные чумы
укатился б от наших илюш и емель,
чтоб не видеть паноптикум Думы.

Эта мерзость почти до костей пробрала,
окончательно к стенке припёрла.
Значит, не погнушусь и хлебнуть из горла,
чтоб прочистить осевшее горло.
Оставаясь потерянным частным лицом,
по-ментовски сказать, гражданином,
кем я стал? Промотавшимся, что ли отцом
или горько обманутым сыном?

* * *

Ветер гремит железом.
Это пришла она
После зимней аскезы:
Primavera – Весна.

Ах, как легко и просто
Сводит она с ума!
Видишь, какую россыпь
Звёзд открывает тьма!

* * *

И стала ты русской дриадой –
Бесплотной, незримой, увы.
Пошли мне привет и порадуй
Теперь переплеском листвы.

Не быть твоему повторенью.
Об этом стенать ни к чему.
Ночь тихая тлеет сиренью
И пепел роняет во тьму.

И думаю я, постигая
Ночной этот райский покой:
Родится любая другая,
Но больше не будет такой.

А ты стала русской дриадой –
Бесплотной, незримой, увы.
Пошли мне привет и порадуй
Живым переплеском листвы.

2015

* * *

Вот что сегодня вижу я: с годами
воспоминания становятся плотнее,
реальнее идущей рядом жизни.
Гляди-ка: звуки, запахи, цвета
приходят отовсюду. Вот из детства,
где сильная простуда с жаром, бредом, –
вкус мёда и малины. Там же запах
ментола или камфары. Скажи,

с чем бы сравнить? Ну, вот порой бывает,
под ложечкой как будто защекочет,
когда босыми бледными ногами
идёшь по свежевскопанной земле
уже прогретой, но ещё прохладной.

Учитель пения Елизавета
Владимировна после всех уроков,
присев за пианино, заиграла
так, для себя, какую-то вещицу,
пересыпая по клавиатуре
то звонкую, то хрупкую печаль.

И я остановился в коридоре
и слышу до сих пор, как этот старый
расстроенный навеки инструмент
старается помочь, как только может.
Так вот – он смог.
И я собрал немного
рассыпанных и беззащитных нот.

Всё память подберёт, я лишь не знаю,
зачем всё это мне сегодня нужно:
ну для каких душеполезных действий,
для выстраданных волеизъявлений?
Хотя я говорю, пожалуй, глупость.
Я умолкаю. Лучше помолчу.

* * *

Валерию Морозову

*Весь этот мир является только объектом
по отношению к субъекту,
созерцанием для созерцающего,
короче говоря, представлением.*

Артур Шопенгауэр

Всё смелее и всё проворнее
пожирает ветки огонь.
Помнишь: Иглис, «Отель Калифорния»,
звуки – в небо, дыму вдогон.

Все вещицы – любимые самые –
гонит старый магнитофон,
а леса мои, небеса мои
обступают со всех сторон.

Опуская ладони в Ладогу,
я хотел запомнить тогда
эту воду с вечной прохладой.
Светлой-светлой была вода.

И легко преклонял колени я
перед этой тайной большой.
«Мир как воля и представление» –
как торжественно, хорошо!

И не надо, скажу, в Манеж вести
или в Русский музей меня,
если сердце щемит от нежности
к уходящим отблескам дня.

А когда уже среди ночи встав,
буду долго глядеть из окна,
в этом опыте одиночества
в меру сил поможет луна.

ОКТАБРЬ

Александру Кушнеру

Опять иду по тропам торным.
Оплетены листвою летом,
Сейчас кусты подобны чёрным
Кривым, уродливым скелетам.

Как ваши ветки засквозили!...
Теперь привычно и бесстрастно
Неумолимое предзимье
Умножит пустоту пространства.

И вот стою, дождавшись мрака,
Спиною к ветру, неуклюже –
Пока не в холоде, однако
Уже приготавлиаясь к стуже.

* * *

Люблю появленье сороки.
А лучше так двух или трёх.
Разыгрывают белобоки
Девический переполох.

Какие изящные птицы!
Гляжу я в окошко на них:
Когда бы перевоплотиться
В одну из чудесниц таких...

Придут неизбежные сроки,
И утром какого-то дня
Красавицы эти сороки
В сородичи примут меня.

* * *

*Былое – было ли когда?
Что ныне – будет ли всегда?
Фёдор Тютчев*

Я жду. Помаленьку включается звук
и возвращается свет,
и вот из вполне достоверных рук
приходит ответ.
И светит, как лампочка в шестьдесят
любимых в России ватт.

Невнятно и зыбко, как сквозь стекло,
туманное, как слюда:
ничто не проходит, ничто не прошло,
пребудет всегда.

И мне предстоит оставить следы
на ткани речной воды.

* * *

Лист на ветру лопочет, и не понять о чём,
но в преддверии ночи пылко и горячо.
Вот уже свет стекает как по лицу вода,
наверху затихают облачные стада.
И чернее деревья в позднем свете зари.
Это самое время слушать и говорить.